МИНСКІЙ ГОЛОСЪ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ.

Объявленія отъ лицъ, фирмъ и учрежденій, живущихъ или имѣющихъ свои главныя конторы или правленія заграницей и въ Россійской Имперіи, за исключеніемъ Минской губ. принимаются только въ центральной конторѣ объявленій Торговаго Дома П. и Э. МЕТЦЛЬ и К-о Москва, (Мясницкая д. Сытова) и его отдѣленіяхъ: въ Петербургѣ, (Морская 11), Варшавѣ (Маршалковская ул. 130), Парижѣ (8 площадь биржи),

Цѣна отдѣльнаго номера 3 коп.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА помѣщаются по Губернаторской ул. д. М. Поляка.

—) ТЕЛЕФОНЪ № 111. (—

РЕДАКЦІЯ для личныхъ объясненій открыта отъ 12 до 1 час. дня.
КОНТОРА открыта съ 9 ч. утра до 4 дня и съ 6 до 7 ч. веч.

СТАТЬИ ПРИСЛАННЫЯ БЕЗЪ ОБОЗНАЧЕНІЯ УСЛОВІЙ ОПЛАЧИВАЮТСЯ ПО УСМОТРѢНІЮ РЕДАКЦІИ.

Рукописи должны быть за подписью и адресомъ автора.
Непринятыя статьи и замѣтки невозвращаются.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
въ г. МИНСКѢ: на годъ 5 руб., на 6 мѣсяцевъ 3 руб.
ИНОГОРОДНИМЪ: на годъ 6 руб.
Подписчики на меньшіе сроки платятъ соразмѣрно.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:
за строку петита

Впереди текста	20 к.
Позади текста	10 к.

ИНОГОРОДНИМЪ:

Впереди текста	30 к.
Позади текста	15 к.
Среди текста	40 к.

Телефонъ редакціи и типографіи № 111 — Телефонъ квартиры издателя № 431

№ 350 Минскъ, суббота 25 декабря 1910 г. № 350.

Жизнь и думы.

Факты, факты и факты.

Ихъ много, имъ нѣтъ конца: они застилаютъ передъ нашими взорами величіе и красоту жизни, временами они атрофируютъ нашу мысль и сознаніе.

И если бы въ иныя времена нуженъ былъ особый поводъ для того, чтобы предаться раздумью о фактахъ жизни, то въ наши дни этихъ поводовъ болѣе чѣмъ достаточно: они бьютъ черезъ край, они фиксируютъ наше вниманіе на фактахъ окружающей дѣйствительности.

Съ этой стороны значеніе рождественскихъ традицій велико.

Мы какъ будто уходимъ отъ большихъ дорогъ жизни, отъ того сумрака, который окутываетъ густымъ, ѣдкимъ туманомъ пасмурные дни нашего безрадостнаго существованія; мы въ такихъ случаяхъ невольно какъ то переносимся мыслью къ далекому прошлому.

Черезъ гулъ вѣковъ, черезъ костры инквизиціи, черезъ вѣка преступленій доносится къ намъ, словно звонъ набатнаго, вѣчевого колокола, великія слова.

Тѣ слова, которыя какъ будто затерялись во мракѣ вѣковъ, которыя звучатъ какимъ то страннымъ диссонансомъ въ наше дикое и несуразное время.

Прошли вѣка, промчались тысячелѣтія.

Что, собственно, создано новаго въ области морали? Прозвучали ли съ тѣхъ поръ какіе либо новые лозунги въ области человѣческой этики?

Дѣло не въ этомъ.

Суть въ томъ, что въ древности позорное „распни“ кричала чернь, общественные подонки и соціальные отбросы; въ наши же дни мы это слышимъ съ высоты трибуны; и объ этомъ, конечно, нельзя думать безъ особенной жути и волненія.

Всякій, конечно, понимаетъ, что мы имѣемъ въ виду знаменательныя слова депутата Шульгина по адресу гонимаго племени, испытавшаго муки и историческую трагедію шестимилліоннаго народа, составляющаго, по его словамъ, „сторону наименьшаго сопротивленія, по которой будетъ бить разъяренная толпа“...

Таковы факты, которые, по „закону детонаціи“, отзываются въ сердцѣ каждаго мыслящаго и чувствующаго человѣка глубокою болью; таковы факты, которые составляютъ лишь общіе, случайные штрихи въ нелѣпой картинѣ текущаго дня и минуты.

И передъ ихъ лицомъ отходятъ на задній планъ всѣ праздничныя будничныя отправленія, передъ ихъ лицомъ глохнутъ и ступевываются всякія мысли и настроенія,—и мы стоимъ, словно въ какомъ то нѣмомъ, безумномъ кошмарѣ..

А панорама жизни—разнообразна и велика, факты многочисленны; и всѣ они, вмѣстѣ взятые, зовутъ къ глубокому раздумью.

М. К—кій.

Въ эту ночь.

(Эскизъ).

...Эта ночь навѣваетъ на меня ноющую тоску. Она будитъ во мнѣ тяжелыя воспоминанія.

Изъ окна моей пустынной комнаты я вижу шумную улицу, густо усѣянную людьми, чуждыми, незнакомыми, куда-то въ неясную даль уходящими. И нѣтъ мнѣ дѣла до этихъ людей, неизвѣстно откуда плывущихъ и невѣдомо куда скрывающихся. Я вижу ихъ озабоченныя лица, ихъ лихорадочныя движенія и знаю: глубокую тайну хранятъ они.

Знаю, почему въ эту ночь такъ поздно освѣщены окна магазиновъ, почему такъ поздно улицы залиты свѣтомъ и устланы длинными тѣнями. Но не знаю, почему въ эту ночь небо такое глубокое-глубокое, холодное и безучастное, и почему оно такое звѣздное... звѣздное...

И гаснутъ звѣздочки, умираютъ и вновь рождаются.

Помню: въ дѣтствѣ говорила мнѣ мать, что звѣздочки—души чистыхъ младенцевъ. И съ каждой угасающей звѣздочкой на небѣ—угасаетъ молодая жизнь на землѣ. И жаль мнѣ было этихъ юныхъ, чистенькихъ душъ.

Изъ окна своей комнаты я смотрю и вижу, какъ падаютъ тонкія, легкія снѣжинки на мостовую, какъ онѣ падаютъ медленно—медленно... Улица, тротуаръ, крыши, подоконники становятся бѣлыми,—на нихъ ктото невѣдомый, таинственный пишетъ тоскливую сказку зимы.

Вотъ уже нѣсколько часовъ я сижу одинъ въ своей комнатѣ. Уже нѣсколько разъ монотонно отбивали городскіе часы, тоскливо отсчитавъ: пять... шесть... семь... восемь... девять... десять...

Сумерки въ комнатѣ моей все болѣе и болѣе сгущались. Сначала онѣ были хмурыя, сѣрыя, затѣмъ все больше и больше тускнѣли и стали мрачными-мрачными, словно какая-то непроницаемая гуща мрака. Испугались ихъ блѣдный свѣтъ лампы, и онѣ попрятались по угламъ, запрыгали по полу, карабкались на стѣны, длинными, дрожащими полосами расползались по потолку..

А съ улицы все еще доносятся ко мнѣ глухіе шаги прохожихъ.

Куда они идутъ? Куда они спѣшатъ?

Въ эту ночь... въ эту ночь...

Скоро раздается церковный трезвонъ, какъ тогда... Вздрогнетъ ночь. Робкое эхо повиснетъ въ воздухѣ...

...Это, вѣдь, такъ недавно было...

Была ночь. Какъ сегодня, какъ теперь вспыхивали, угасали и вновь загорались звѣзды. И вѣтеръ злился... Были улицы освѣщены. Были лица людей озабочены. Какъ сегодня, горѣла лампа подъ зеленымъ абажуромъ въ моей комнатѣ. Точно притаившись, въ углу, на мягкой кушеткѣ сидѣла она, похожая на чарующе-тихую сказку. За стѣною бушевала зима, а здѣсь, въ моей комнатѣ, расцвѣтала весна.

И вдругъ...

Городскіе часы отсчитали двѣнадцать ударовъ. Точно сдавленный крикъ о помощи, ворвались они къ намъ, эти роковые удары.

За окномъ звѣзды и грубокое небо... Плачъ вѣтра. Шопотъ ночи.

И снова звонъ, трепетный, гулкій, священно-торжественный. Это былъ трезвонъ церковныхъ колоколовъ.

Было тихо-тихо въ комнатѣ.

И... какое-то странное движеніе сдѣлала она, вскочивъ съ кушетки. Это движеніе было похоже на протестъ.

— Не могу...

И, точно застывшая, стояла она у столика, чутко прислушиваясь къ глухому гулу церковныхъ колоколовъ, врывавшемуся въ комнату.

— Не могу...—шептали губы.— Не могу..

Стала лихорадочно-быстро одѣваться.

— Куда? Куда?

— Не могу... Понимаешь... Не могу... Меня зоветъ этотъ торжественный звонъ подъ своды храма, тихаго, полнаго неразгаданныхъ тайнъ, храма... Не могу... Теперь я это почувствовала.. Прости и прощай...

И выбѣжала изъ комнаты.

Въ маленькомъ, тихомъ, заброшенномъ городкѣ мы встрѣтились.

— Ты—моя...

— Ты—мой...

Шли дни, недѣли, мѣсяцы. Отошли куда-то сѣрыя будни—наступилъ праздникъ весны и обновленія. Забыто прошлое,—было невозмутимо-спокойное, яркое настоящее. Расцвѣтали пышно надежды, мечты и упованія. Родилась вѣра... Жизнь казалась чѣмъто прекраснымъ, чарующимъ... Это было продолжительное сновидѣніе, золотая греза...

— Милая...—сказалъ я ей однажды, тихимъ лѣтнимъ вечеромъ.—Золотая сѣть, окутывающая насъ, соткана изъ нѣжныхъ нитей паутины—грезы. Она порвется... Налетитъ на невѣтеръ и... тогда... Не лучше-ли теперь разстаться?.. Тебя зоветъ вѣтеръ, меня зоветъ буря... Мой храмъ прячется подъ желѣзной крышей; твой храмъ гордеивво возвышается надъ городомъ, кокетируя своимъ позолоченнымъ куполомъ... Милая, не лучше-ли теперь?..

— Молчи!—жаловалась она сквозь слезы.—Молчи...

И тогда я зналъ, что это свершится, что это должно свершиться...

Вдали отъ шума жизни, сами съ собою, замкнутые въ маленькомъ мірке грезъ и мечтаній, мы ничего не замѣчали, ко всему были глухи.

Настала ночь, тихая, трепетная. Висѣло небо глубокое, усѣянное звѣздами, то угасавшими, то ярко вспыхивавшими...

И ворвался церковный трезвонъ, дрожащій, тревожный, священно-торжественный — и она ушла. Ушла туда, откуда пришла.

— Онъ зоветъ меня,—сказала она въ ту холодную, глубокую ночь... Я ухожу... Не могу... Прости и прощай...

...Это такъ недавно было...

Пустынно въ моей комнатѣ. Я сижу у окна и смотрю въ улицу, въ жизнь. Странная она—суетливая, бурная...

Городскіе часы бьютъ одиннадцать.

Скоро полночь.

Еще недолго,—и въ комнату мою ворвется отдаленный звонъ колоколовъ. Какъ тогда, въ ту ночь.

— Онъ меня зоветъ... туда...—кто-то таинственный будетъ тихо шептать.

И вновь я буду одинъ... одинъ... Какъ въ ту ночь...

Но зачѣмъ оно такое глубокое, это далекое небо? И почему такъ ехидно улыбаются звѣзды?..

И. С. А—вичъ.

Елка.

Онъ долженъ былъ написать рождественскій разсказъ.

Ужасное это дѣло—писать по заказу, по обязанности. Уже съ полчаса сидѣлъ онъ, съ грустью смотря на чистый листъ бумаги.

Писать, какъ обыкновенно пишутся рождественскіе разсказы—съ массою нелѣпыхъ приключеній и всякихъ кровавыхъ ужасовъ, ему не хотѣлось.

Надоѣло это. Изъ года въ годъ—одно и то же.

И Сергѣй Львовичъ, сотрудникъ N—ской газеты былъ въ большомъ затрудненіи.

Онъ только что пережилъ личную драму, явившуюся завершеніемъ его неудачной семейной жизни—и, полный тихой грусти и тоски, не могъ настроится на нужный ладъ.

— Попикантнѣе, Сергѣй Львовичъ, и крови побольше... Публика любитъ...—просилъ редакторъ.

— Да, публика любитъ,—тихо прошепталъ онъ и, откинувшись на спинку кресла, глубоко задумался...

— Писать? о чемъ писать? Попикантнѣе!..

Мягкій свѣтъ лампы изъ-подъ зеленаго абажура падалъ на большой письменный столъ, ласкал усталые глаза писателя... Было тихо... Молчаливо смотрѣли съ полокъ ряды книгъ—эти лучшіе друзья Сергѣя Львовича..

Ему стало жутко... Сердце больно сжалось... Одинъ—послѣ столькихъ лѣтъ тихой семейной жизни...

Послѣ завтра—Рождество.

Гдѣ его оставленная жена, его малютка, такая милая, славная?..

Будетъ-ли у нея въ этомъ году елка?..

Мысли волною пробѣгали въ усталомъ мозгу, тревожили совѣсть, заставляли биться сердце.

— Нѣтъ, не могу... Душно.

И, набросивъ пальто, Сергѣй Львовичъ вышелъ на улицу...

Было морозно.

Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами.

Несмотря на одиннадцатый часъ ночи—на улицѣ было людно и весело...

Мчались лихачи, звонили конки... Прохожіе куда то спѣшили, толкая и обгоняя другъ друга...

Нахлобучивъ на самые глаза шапку и засунувъ руки въ карманы, Сергѣй Львовичъ шелъ по тротуару, безъ всякой цѣли, не спѣша, и внимательно вглядывался въ лица прохожихъ, углубленный въ свои невеселыя думы.

— Баринъ, идемъ...

Сергѣй Львовичъ вздрогнулъ и брезгливо отвернулся. Передъ нимъ стояла одна изъ „этихъ“, съ подмалеванными глазами, въ кричащемъ костюмѣ...

Онъ ускорилъ шаги и смѣшался съ толпою.

Онъ долго и безцѣльно бродилъ по улицѣ и, наконецъ, вниманіе его привлекла ярко освѣщенная витрина шикарнаго магазина.

Тамъ стояла роскошно убранная елка...

Онъ остановился и заглядѣлся на нее, думалъ о своей малюткѣ, оставшейся у жены, въ другомъ городѣ, далеко отъ него...

Будетъ-ли она имѣть елку въ этомъ году? Навѣрно, нѣтъ!..

Онъ въ этомъ моментъ оглянулся—и вздрогнулъ: съ широко раскрытыми глазами, рядомъ съ нимъ стояла женщина, смотря на блестящую витрину—и крупныя слезы катились по ея лицу.

Это была та, что его затронула:

Сергѣй Львовичъ наклонился къ ней:

— Что съ вами?

— Пойдемъ, прошептала она.

Машинально, не отдавая себѣ отчета, онъ пошелъ за нею.

Квартирка ея была тѣсна и убога. Изъ всѣхъ угловъ смотрѣла нищета.

Она молча сняла верхнее платье и помогла ему раздѣться.

Только теперь Сергѣй Львовичъ осмотрѣлся въ ея лицо: это была еще совсѣмъ молодая женщина, но глубокія морщины которыя избороздили ея кожу, и ихъ не могъ скрыть слой румянъ и пудры.

— Одну минутку, я сейчасъ! проговорила она и скрылась въ другую комнатку... Сергѣй Львовичъ услышалъ тихій плачъ ребенка и скрипъ люльки... Черезъ минутку все стихло.

— Это вашъ ребенокъ?

— Мой...

— А... а вы однѣ съ нимъ?

— Одна, просто отвѣтила женщина. Мужъ бросилъ меня... Есть нечего—надо ребенка кормить... Вотъ и...

Она не могла продолжать и безсильно опустилась на расшатанный стулъ.

Минутъ пять длилось молчаніе.

— Сегодня... напудрилась... намазалась и вышла, снова заговорила она. Въ домѣ ни копѣйки... Хотѣла хоть маленькую елку на праздникъ устроить своему малышу... И... и...

Снова всхлипыванія прервали ея безсвязную рѣчь...

Заплакалъ ребенокъ—она побѣжала къ нему.

Сергѣй Львовичъ былъ какъ во снѣ...

Машинально, не думая, онъ вынулъ всѣ деньги, какія были у него, и, положивъ ихъ на столъ, быстро вышелъ...

Холодный воздухъ, словно раскаленное желѣзо, обжегъ его лобъ...

Ему хотѣлось рыдать—о чемъто хорошемъ, миломъ и навѣки потерянномъ...

Онъ быстро шелъ домой.

Теперь онъ зналъ, что напишетъ для своего редактора.

Н. Серебрянскій.

Встрѣча Рождества.

Предпраздничная суголока и суматоха закончены.

Отбой по всей линіи...

Одна за другой торопливо сбѣгаютъ съ будничной арены всѣ обывательскія злобы дня, всѣ горькія думы чиновнаго сословія о сверхординарныхъ наградныхъ и кавалерскихъ медаляхъ „за усердіе“.

Всѣ мечты и „гусевыя“ сновидѣнья разнокалиберной меньшой братіи.

Всѣ витринныя бонбоньерки, замысловатыя черепахи съ генеральскимъ крылышкомъ созади, картонные жеребчики съ потѣшными сѣдоками на гривѣ,—вся эта традиціонная галиматья, такъ мало говорящая уму и сердцу въ сравненіи съ Рождественской царицей жилищъ—елкой.

Сознаніе ея сегодняшняго темномнетства влечетъ въ домашнее лоно всѣхъ „заблудившихся овецъ“: клубнаго патріота съ „зеленаго поля“, запоздалаго пропойцу—извозчика, пьянчужку—полуземца, ходатая по темнымъ дѣламъ и закоулкамъ, „безпатентнаго Плеваку“, воинственнаго, съ одними благими намѣреніями, говоруна-муниципала...

Морозно. На небосклонѣ Виѳлеемская звѣзда.

Изнученный предпраздничною суетою и хлопотами, обыватель готовъ бы отдаться властной дремотѣ.

Но ее отгоняетъ мысль о священной необходимости свершить церемонію съ поставленной на столъ кутьей. Этотъ вѣковѣчный обычай съ особою ревностью соблюдается на окраинахъ.

При всей культурной отсталости отъ бойкаго центра, при всемъ чисто-стихійномъ пристрастіи къ праздничному турнирному разгулу и подставленію фонарей, по причинѣ неповсемѣстнаго электрическаго свѣта,—окрапинецъ опережаетъ центровика по части святочной.

Провести по церемоніалу, завѣщанному умершими дѣдами и отцами, Рождественскія святки съ ихъ милою предшественницею—кутьею,—для окраинца завѣтное желаніе.

Яркими свѣтоводными точками упомянутаго прародительскаго церемоніала, таящаго въ себѣ немало высшихъ, символическихъ основъ и воспоминаній, являются — к у т ь я и такъ называемые колядославы.

Колядославы на окраинахъ— явленіе, въ сущности прискорбное, мало-по-малу вытѣсняемое духомъ времени и протокольною литературою.

Говоря вкратцѣ, это ничто иное, какъ образчикъ прикрытаго винными парами хулиганства,побѣдоносно со звѣздою протягивающаго руки къ вашему кошельку.Отказъ въ подачкѣ за восьмерку пропѣтыхъ компаніей полупьяныхъ подростковъ четверостишій на святочныя темы знаменуетъ немедленный штурмъ вашихъ ставень по всѣмъ правиламъ скоропостижной фортификаціи.

И все, зная это, спѣшатъ быть какъ можно миролюбивѣе съ г. г. к о л я д о с л а в а м и.

Нежелательно, во-первыхъ, лишиться оконъ въ морозную пору, во-вторыхъ, испортить праздничное настроеніе, и, въ третьихъ...

Въ третьихъ, услышать самобытныя политическія изреченія:

— Ты, хозяинъ, не забывай, что нонѣ не тѣ времена, что раньше. Прежніе дни были, но теперь уѣхали. Пріѣхала конституція, на основаніи которой мой пьяный циферблатъ—тоже личность, такая же, какъ и ты, многодумный скупецъ. Я праздникъ встрѣтилъ съ картофельной шелухой, овсянымъ хлѣбомъ и жареной селедкою. У тебя со стола, смѣясь ко мнѣ, смотритъ гусь, съ яблочными требухами, да бѣлоснѣжные поросята, набитые... кутьей!.. Давай двугривенный, пробасимъ еще пару куплетовъ, а потомъ съ батлеями пріѣдемъ считать живность твоего курятника, что въ сараѣ...

Такова прекрасная „идиллія“ окраинскихъ чудесныхъ Аркадій... въ Рождественскіе дни.

Колокольный трезвонъ о наступленіи великой минуты рожденія Богомладенца,—этого вѣстника мира, любви и снисхожденія къ людямъ,—вселитъ въ мeня иные помыслы, иныя настроенія.

Бросивъ писать, я считаю непремѣнною обязанностью сказать отъ полноты сердца:

— Съ наступающими праздниками, читатель! Желаю встрѣтить ихъ и провести въ добромъ здоровьѣ и мирномъ расположеніи духа.

Коршунъ.

Интересный случай.

(Рождественскій разсказъ).

— Тише, господа, тише... очередь за Петромъ Иванычемъ.

— Да... да... за Петромъ Иванычемъ... Начинайте.. Начинайте. —понеслось отовсюду, и взоры всѣхъ гостей съ любопытствомъ устремились на высокаго, среднихъ лѣтъ, господина съ выразительнымъ лицомъ.

— Не могу, господа... Увольте.

— Нѣтъ, нѣтъ.. Ваша очередь.. Надо соблюдать условіе..

— Но... къ сожалѣнію, я не въ силахъ теперь выполнить условіе, — улыбаясь, отвѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Почему? Почему?

Наиболѣе экспансивные изъ гостей вскочили съ своихъ мѣстъ и тѣснымъ кольцомъ обступили Петра Ивановича.

— Не могу, господа. Вѣдь, условіе было таково, что каждый долженъ разсказать о какомъ нибудь случаѣ въ Сочельникъ.

— Конечно.. конечно.

— Ну а если такого случая со мною не было?

— Не можетъ быть..
— Увѣряю васъ..
— Неправда.

Поднялся страшный шумъ. Молодежъ настойчиво требовала разсказа Петра Ивановича и рѣшила не расходиться до тѣхъ поръ, пока онъ не выполнитъ своего обязательства.

— Невѣроятно... невѣроятно... чтобы въ жизни Петра Иваныча не было какого нибудь интереснаго случая въ Сочельникъ...— кричала худощавая брюнетка.

— Вѣрно, -вторилъ ей бѣлобрысый студентъ.

— У меня—и то былъ,—запищалъ одиннадцатилѣтній хозяйскій сынокъ, вызвавъ своимъ заявленіемъ бурю восторга.

— А.. я думаю, томно опуская глазки, сказала молчавшая все время молодая вдовушка,—что все, что съ Петромъ Иванычемъ случилось въ эту ночь, такъ грязно и отвратительно, что ему неловко разсказывать.

— Нѣтъ, ужъ извините, — вдругъ поднялся рѣшительно Петръ Ивановичъ. — Если ужъ на то пошло, извольте.. я разскажу...

— Разсказывайте, разсказывайте..—завопила радостно молодежь.

— Хорошо. Я разскажу вамъ объ одномъ случаѣ изъ моей жизни, совпавшемъ съ сегодняшнимъ вечеромъ. По правдѣ говоря, я не совсѣмъ люблю вспоминать о немъ, тѣмъ болѣе разсказывать, но.. чтобы опровергнуть предположеніе Марьи Ивановны о грязи и пошлости, я на этотъ разъ сдѣлаю исключеніе.

— Просимъ, просимъ.

Петръ Ивановичъ налилъ себѣ вина, не спѣша выпилъ его, и, вытирая вспотѣвшій лобъ, началъ:

— Какъ вамъ извѣстно, я холостякъ, старый холостякъ. Званіе не особенно почетное, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія большинства здѣсь присутствующихъ. Но не въ этомъ дѣло. Эпизодъ, о которомъ я разскажу вамъ, сыгралъ въ моей жизни большую роль. И—кто знаетъ— не будь его — можетъ быть, я слылъ бы давно уже счастливымъ мужемъ, благороднымъ отцомъ своихъ дѣтей..

Петръ Ивановичъ опять налилъ себѣ вина и выпилъ.

— Исторія, собственно говоря, самая обыкновенная. Былъ я тоже молодъ. Это было давно, но это было когдато. Все свойственное молодости, конечно, и мнѣ не чуждо было. Короче, я былъ влюбленъ. Влюбленъ, какъ говорится, по-уши. И не мудрено. Было мнѣ тогда всего на всего 22 года. Годы, какъ видите, самые подходящіе.. Предмету же моихъ воздыханій было и того меньше. Не то 17, не то 18 лѣтъ. Впрочемъ, съ того времени утекло столько воды, что обликъ моей возлюбленной почти изгладился изъ моей памяти. Помню только, что была она прелестная блондинка, веселенькая, и влюбленъ я былъ въ нее безъ ума. Кажется, и она была ко мнѣ неравнодушна.

Встрѣчались мы съ ней вначалѣ у знакомыхъ. въ театрѣ, на прогулкахъ.

Прогуляли мы этакимъ манеромъ все лѣто и осень...

Настала зима.. Холодъ.. Морозы... Встрѣчаться становилось все труднѣй и труднѣй.

И надумали мы пожениться. Оба были молоды, пылки,—много размышлять не хотѣли, да и не умѣли, по правдѣ сказать.

А родитель моей возлюбленной, зажиточный именитый купецъ, хотя и не очень то протестовалъ противъ моихъ ухаживаній за его дочкой, но видимыхъ наклонностей пріобрѣсть въ моемъ лицѣ зятя не проявлялъ. Необходимо было, значитъ, склонить его на нашу сторону. Но какъ?

Подходили святки.

Невѣста моя и надумала слѣдующее.

Упросила она отца пригласить меня въ Сочельникъ въ гости.

Ну, тутъ, знаете, выпивка, закуска, праздничное настроеніе, подъемъ.

Однимъ словомъ, долженъ былъ я въ тотъ вечеръ сдѣлать формальное предложеніе. Къ тому же будущая моя теща, души не чаявшая въ своей дочери, взялась помогать намъ. Успѣхъ былъ почти гарантированъ.

Сталъ я усиленно готовиться къ вечеру. Отдалъ выгладить сюртукъ, купилъ новый галстукъ, собственноручно вычистилъ бензиномъ бѣлыя перчатки.. Все—честь честью.

Наступилъ, наконецъ, долгожданный день.

Поднялся я въ то утро въ какомъ то странномъ безпокойствѣ. Мысль, что сегодня рѣшится моя участь, приводила меня въ неописуемое волненье. Къ обѣду даже лихорадка появилась.

Къ счастью, къ вечеру уснулъ. Всталъ, словно успокоенный.

— Ну, слава Богу,—думаю.— Нужно взять себя въ руки... Этакое, можно сказать, знаменательное событіе, а я... Велѣлъ ботинки почистить, умылся, одѣлся разрядился. Посмотрѣлъ на себя въ зеркало и ожилъ.

Предо мной стоялъ молодой человѣкъ прекрасной наружности, знаете, такой интересный, что глазамъ не вѣрилось.

Но разглядывая себя въ зеркалѣ, замѣтилъ я, что щеки и подбородокъ плохо выбриты.

Странное дѣло!.. Утромъ брился, и къ вечеру уже синева. Это открытіе испугало меня. Оно разрушило тѣ восхищеніе самимъ собою, что дѣлаетъ насъ счастливыми и довольными. Необходимо было, значитъ, во что бы то ни стало устранить этотъ дефектъ.

Черезъ нѣсколько минутъ извозчикъ мчалъ меня на Главную улицу. Къ моему огорченію, народу въ парикмахерской было—видимо-невидимо.

Въ ожиданіи очереди, присѣлъ я на диванъ и взялъ газету. Но до газеты ли было мнѣ? Дѣлаю видъ, что читаю, а мысли мои—далеко... далеко.

И картины, одна другой прекраснѣй пронеслись предо мною.. Вотъ являюсь я къ родителямъ моей невѣсты.. Меня встрѣчаютъ радостно, жмутъ мнѣ руки... Объявляютъ гостямъ о нашей помолвкѣ... Какое счастье!

— Какая интересная парочка!— слышу со всѣхъ сторонъ.

А вотъ, ужъ я—счастливый мужъ, отецъ...

Вдругъ надъ самымъ ухомъ раздается:

— Пожалуйте, господинъ. Ваша очередь!..

Усаживаюсь въ парикмахерское кресло.

Я весь во власти парикмахера.

— Прикажете одеколономъ?

— Что?

— Одеколономъ прикажете?

— А?.. Все равно.. одеколономъ, —отвѣчаю я, очнувшись.

Парикмахеръ засуетился, и... что-то горячее плеснуло мнѣ въ лицо и я, ужаленный, взвылъ на всю залу...

Что такое? Въ чемъ дѣло?

Намыленные, полубритые, недостриженные люди вскочили со своихъ креселъ и бросились ко мнѣ.

— Простите... Не замѣтилъ... Нечаянно...—шепталъ перепуганный парикмахеръ.—Я сбросилъ съ себя простыню, разсыпалъ и разбилъ, что было предо мной на столикѣ, и продолжалъ орать благимъ матомъ...

Какъ я очутился дома—не знаю.

Помню, лежалъ я на кровати... обвязанный.. Правая щека горитъ немилосердно, точно ее каменнымъ желѣзомъ палили, и весь я дрожу отъ боли и досады.

Сколько проклятій посылалъ я тогда парикмахеру!.. Не счесть.

Вы только подумайте, что онъ со мной сдѣлалъ. Вмѣсто одеколона оросилъ мою щеку растворомъ карболовой кислоты, куда опускались для дезинфекціи разные парикмахерскіе приборы. Сдѣлалъ онъ это, конечно, не нарочно, а по разсѣянности, въ пылу предпраздничной суголоки. Но мнѣ, вѣдь, отъ этого не легче. Страдалъ я, и страдалъ по чужой винѣ. Развѣ въ тотъ Сочельникъ гдѣ нибудь на земномъ шарѣ былъ человѣкъ несчастнѣе меня? Сомнѣваюсь.

Вѣдь всѣ мечты о счастьи разлетѣлись и мысль объ этомъ приводила меня въ бѣшенство... Надѣялся хоть на другой день явиться и объяснить причину своего отсутствіе, но каковъ былъ мой ужасъ, когда на слѣдующее утро щека моя приняла еще болѣе отвратительный видъ.

Написать обо всемъ невѣстѣ я также не рѣшался.

Она могла бы явиться сама, а я бы ни за что не желалъ предстать предъ ней съ растерзанной щекой.

Нужно было переждать. И я ждалъ.

Медленно, съ трудомъ заживала рана, и только на третьей недѣлѣ рискнулъ я показаться на улицѣ. Когда же явился къ той, о которой неустанно думалъ, мечталъ, меня встрѣтили очень сухо, передали поклонъ отъ Катеньки и объявили, что она помолвлена съ другимъ...

Трудно передать вамъ, что пережилъ я за тѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Вначалѣ я носился съ мыслью застрѣлить парикмахера, потомъ надумалъ убить измѣнницу, покончить съ собой... Но, какъ видите, не сдѣлалъ ни одного, ни другого, ни третьяго...

Скажу лишь одно, что съ того времени я почувствовалъ такое отвращеніе къ женитьбѣ и къ семейному очагу, что остался бобылемъ на всю жизнь. Правда отвращеніе это съ годами ушло... только ужъ...къ сожалѣнію—поздно.

А, кто знаетъ, можетъ быть, все свершилось къ лучшему.

Можетъ быть, въ женитьбѣ обрѣлъ бы я вѣчный адъ, и парикмахеръ посланъ былъ мнѣ самой судьбой?

Кто знаетъ?

Такъ, вотъ, господа, какая исторія приключилась со мною въ Сочельникъ. Не правда ли, малоинтересная? Я, вѣдь вамъ раньше говорилъ.

Петръ Ивановичъ замолчалъ, налилъ стаканъ вина и медленно, капля за каплей, осушилъ его.

Азовскій.

Послѣднія новости.

— Давнишній слухъ объ уходѣ въ отставку директора департамента народнаго просвѣщенія Анцыферова и государственнаго казначея Николаенко подтвердился. Объ ихъ выходѣ въ отставку офиціально опубликовано.

Но мѣсто Николаенко назначается вице-директоръ департамента государственнаго казначейства Кузьминскій.

— Постояннымъ желаніемъ А. П. Извольскаго было занять постъ посла въ Лондонѣ. Но въ виду смерти Нелидова ему пришлось ѣхать въ Парижъ. Теперь, въ связи съ уходомъ нашего посла Беккендорфа, возобновились, по словамъ „Р. У.“, разговоры о переходѣ Извольскаго въ Лондонъ и о назначеніи въ Парижъ Коковцева.

— Третьяго дня у себя на квартирѣ, на Петербургскомъ шоссе, арестованъ по постановленію финляндскаго суда И. Я. Рудзикъ, выступавшій въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу объ убійствѣ Герценштейна. По словамъ „Земщины“, Рудзикъ будетъ препровожденъ въ распоряженіе финляндскихъ властей.

— Членъ Гос. Думы Крупенскій по поводу совѣщанія профессоровъ и ихъ резолюцій, какъ передаютъ „Бирж. Вѣд.“, заявляетъ: „Мы привѣтствуемъ труды совѣщанія и убѣждены въ томъ, что они фактически въ ближайшемъ будущемъ будутъ осуществлены, и, несмотря ни на какія угрозы, правильное теченіе университетской жизни будетъ обезпечено.

— Либавскій биржевой комитетъ обратился въ министерство торговли и промышленности съ жалобой о затрудненіяхъ, чинимыхъ русскимъ хлѣботорговцамъ въ портѣ Дюнкирхенъ. Въ жалобѣ говорится, что если въ партіи даннаго экспортера не хватаетъ извѣстнаго количества хлѣба, то эта недостача падаетъ не только на него, но и на тѣхъ лицъ, грузы которыхъ находятся на данномъ пароходѣ.

Министерство поручило русскому генеральному консулу разслѣдовать эту жалобу.

— Въ то время, какъ въ нашемъ флотѣ, согласно морскому уставу, широко распространены пушечные салюты разнымъ начальствующимъ лицамъ, японское правительство, какъ сообщаетъ „Пет. Л.“, обратилось къ нашему м—ву иностранныхъ дѣлъ съ просьбой, чтобы военныя суда, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ, болѣе не салютовали губернаторамъ приморскихъ провинцій въ Японіи. На эти салюты приходится отвѣчать и тратить порохъ.

Минскій день.

— Такса на хлѣбъ и мясо. 23 декабря въ городской управѣ составлялась такса на хлѣбъ и мясо на январь мѣсяцъ. Для составленія таксы собрались члены комиссіи по урегулированію цѣнъ на продукты первой необходимости и торговцы. На всѣ сорта мяса оставлена прежняя цѣна. Мясники остались недовольны и заявили, что подадутъ жалобу въ думу. Цѣна на черный базарный хлѣбъ повышена на ¼ к. за фунтъ. Понижены цѣны на телятину и свиное сало на 1 к. на фунтъ. На масло цѣны повышены на 3—5 коп. на фунтъ.

— Ходатайство извозчиковъ. Группа легковыхъ извозчиковъ обратилась въ городскую управу съ ходатайствомъ, чтобы не были разрѣшены англійскіе выѣзды. Какъ извѣстно, городская управа отказала нѣкоему Вильчинскому въ разрѣшеніи ему имѣть такой выѣздъ.

— Открытіе лѣсной ярмарки. 27 октября, въ 1 часъ дня, въ помѣщеніи общества сельскаго хозяйства откроется рождественская лѣсная ярмарка.

— Отказъ. Организаціонный комитетъ съѣзда ремесленной промышленности отказалъ въ ходатайствѣ женской профессіональной еврейской школѣ о посылкѣ представителей на съѣздъ. Какъ извѣстно, такой же отказъ получило и общество доставленія бѣднымъ евреямъ средствъ для обученія ремесламъ

— Земская смѣта. Смѣта минскаго управленія по дѣламъ земскаго хозяйства на 1911 годъ, въ виду превышенія ею 3 проц. нормы, поступила на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій.

— Благодарность. Попечительница минской общины сестеръ милосердія Краснаго Креста В. П. Эрдели выражаетъ искреннюю благодарность товарищу попечительницы и главному врачу общины С. Н. Урванцову, старшей сестрѣ А. В. Райской, дѣлопроизводителю общины В. Г. Станкевичу, казначею Г. Харитоновичу и членамъ ревизіонной комиссіи Н. А. Лелюхину, А. А. Реперу и И. О. Грозовскому, за блестящее веденіе дѣлъ по общинѣ и лечебницѣ.

— Совѣщаніе студентовъ. 23 декабря въ помѣщеніи купеческаго собранія, состоялось совѣщаніе студентовъ-минчанъ по вопросу объ устройствѣ очередного 27-го студенческаго бала. Избрана распорядительная комиссія въ составѣ г.г. студентовъ Язвинскаго, Трепка, Ленскаго А., Рузова, Довидика, Янушкевича и Пахомова, которымъ поручено выработать программу бала, опредѣлить день его и подыскать помѣщеніе.

Распорядительная комиссія намѣтила днемъ бала 8-е января. Балъ рѣшено устроить въ помѣщеніи общественнаго собранія.

Обязанности распорядителей бала распредѣлены слѣдующимъ образомъ: главнымъ распорядителемъ —г. Трепка, завѣдующимъ декоративной частью—Довидикъ, завѣдующимъ буфетной—Рузовъ, кассой—Язвинской, помощниками его Янушкевичъ и Ленскій и секретаремъ Пахомовъ, помощникомъ его—Ленскій.

— Засѣданіе оцѣночной комиссіи. 23-го декабря состоялось, подъ предсѣдательствомъ городского головы С. Б. Хржонстовскаго, засѣданіе городской оцѣночной комиссіи. Въ засѣданіи участвовали всѣ члены комиссіи—гласные В. О. Янчевскій, В. М. Брауде, К. Г. Павликовскій, М. Г. Парфіяновичъ, И. Ѳ. Стражевскій, И. О. Эйгирдъ и В. И. Стучинскій и В. П. Борисовецъ. Комиссіи были представлены всѣ работы, сдѣланныя до сихъ поръ оцѣночнымъ отдѣломъ управы. Кромѣ того, комиссія намѣтила оцѣночныя нормы для имуществъ. Для опредѣленія средней нормы городъ раздѣленъ на 32 участка, заключающихъ 509 кварталовъ. Въ каждомъ участкѣ выводится средняя квартирная цѣна, а по нимъ—среднія нормальныя цѣны за кубическій аршинъ помѣщенія и квадратный аршинъ земли. Описаніе имуществъ уже закончено.

— Засѣданіе губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія состоялось 23-го декабря. Въ засѣданіи обсуждался вопросъ о преданіи суду бывшихъ должностныхъ лицъ пинской городской управы г. г. Янчевича и Кривцова за превышеніе власти. Дѣло о Янчевичѣ и Кривцовѣ было возбуждено за выдачу ими разнаго рода удостовѣреній на постройки съ нарушеніемъ строительнаго устава.

Губернское присутствіе рѣшило возбудить противъ указанныхъ лицъ уголовное преслѣдованіе. Разсмотрѣна и утверждена смѣта г. Докшицы въ суммѣ 4788 рублей.

— Рождественскія зрѣлища и развлеченія. 26 декабря въ городскомъ театрѣ открытіе сезона. Идетъ пьеса А. Сумбатова „Цѣпи“.

26-го въ залѣ купеческаго собранія вечеръ съ концертнымъ отдѣленіемъ въ пользу братолюбиваго общества.

27-го въ купеческомъ собраніи грандъ-кабаре въ пользу пожарнаго о-ва.

Телеграммы „Минскаго Голоса“
(С.-Петербургскаго Телеграфн. Агентства).
полученныя до 3-хъ часовъ ночи.

ПЕТЕРБУРГЪ. Состоялось погребеніе тѣла вице-адмирала Щенсновича.

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ. По подсчету до вечера 23 декабря во всемъ краѣ подано голосовъ за соціалистовъ—95083, за старофиновъ — 61608, младофиновъ—35110, шведовъ—29311, аграріевъ—11423.

ТАШКЕНТЪ. По полученнымъ начальникомъ телеграфнаго округа свѣдѣніямъ, дорога отъ Ново-Дмитріевска до Пржевальска разрушена, вдоль озера Иссыкъ-куль глубокія трещины; телеграфная линія и дорога отошли въ сторону на 300 саженъ.

ВѢРНЫЙ. По дополнительнымъ свѣдѣніамъ, въ окрестностяхъ Вѣрнаго убитыхъ киргизъ насчитываютъ десятками. Въ Токмакѣ убито 11, въ Буамскомъ ущельѣ—20. Почтовыя станціи на берегу Иссыкуля разрушены. Сообщенія съ Пржевальскомъ нѣтъ. Колебанія почвы въ буамскомъ уѣздѣ продолжаются. Въ Вѣрномъ организована помощь пострадавшимъ. Войска принимаютъ живое участіе въ раскопкахъ и снабжаютъ пострадавшихъ горячей пищей.

ДЖАРКЕНТЪ. Землетрясеніемъ разрушено только нѣсколько саклей. Общій убытокъ 5000 р. Колебанія повторялись 22 декабря, послѣднее—въ 5 час. утра 23 декабря. Во время землетрясенія на южномъ небосклонѣ было яркое атмосферное сіяніе.

БУХАРА. По слухамъ, эмиръ нѣсколько дней непомогалъ, болѣзнь скрывалась. 22 декабря изъ Бухары вызвали женщину-врача Ракитскую. Смерть послѣдовала раньше ея прибытія, около часу ночи 23 декабря, въ недавно построенномъ дворцѣ Хайрабадѣ. Смерть послѣдовала отъ болѣзни почекъ. Тѣло перевезли въ постоянную резиденцію въ Керминѣ и похоронили въ небольшой мечети.

НОВАЯ-БУХАРА. 24 декабря въ Бухару пріѣзжаетъ наслѣдникъ эмира.

УРМІЯ. Инцидентъ со служащимъ акцизнаго правленія, обвиняемымъ въ насиліи персіянки, возбудилъ негодованіе населенія. Для предупрежденія разгрома губернаторъ пріостановилъ дѣятельность правленія.

Резолюціи совѣщанія профессоровъ.

Въ Петербургѣ въ національномъ клубѣ состоялось, какъ извѣстно, частное совѣщаніе профессоровъ для обсужденія измѣненій университетскаго устава въ связи съ положеніемъ въ высшей школѣ.

По словамъ „Нов. Вр.“, совѣщаніе, между прочимъ, постановило, что въ интересахъ упорядоченія университетской жизни необходиуо пересмотрѣть Высочайшій указъ 17 августа 1905 г. въ связи съ правилами 1906 и 1307 гг. и соотвѣтствующими циркулярами и разъясненіями этихъ правилъ, такъ какъ вышеназванныя узаконенія не только не даютъ дѣйствительн. средствъ, но и препятствуютъ воздѣйствію на студентовъ въ случаяхъ возникновенія студенческихъ волненій въ стѣнахъ университета.

Объ автономіи. Подъ университетской автономіей слѣдуетъ уразумѣть право самосостоятельнаго рѣшенія тѣхъ или другихъ вопросовъ университетской жизни, поскольку это право не противорѣчитъ государственнымъ интересамъ. Слѣдовательно, говорить о самосостоятельности университета можно лишь въ предѣлахъ точно опредѣляемой въ законѣ компетенціи отдѣльныхъ университетскихъ властей, имѣющей цѣлью возможно полное, не допускающее никакой политики, безпрепятственное осуществленіе научно—педагогической дѣятельности университетовъ.

О профессорахъ. Признать въ общемъ пріемлемой ст. 131 проекта А. Н. Шварца со слѣдующими дополненіями: 1) кромѣ факультетскихъ отзывовъ, запрашивать о научныхъ достоинствахъ кандидатовъ и спеціалистовъ другихъ университетовъ; 2) обязать печатать отзывы о всѣхъ выступившихъ кандидатахъ и все дѣлопроизводство по замѣщенію каѳедръ, и 3) вмѣстѣ съ отзывами о кандидатахъ представлять въ м—во и рецензію о магистерскихъ и докторскихъ диссертаціяхъ всѣхъ конкурентовъ.

О системѣ преподаванія. Система преподаванія должна носить смѣшанный характеръ, лекціонный въ основѣ, съ возможно большимъ усиленіемъ практическихъ занятій. Курсы общіе, какъ общеобразовательная основа, готовятъ не только людей науки, но и дѣятелей на различныхъ поприщахъ общественно - государственнаго служенія. Спеціальные курсы предназначаются, главнымъ образомъ, для изученія методологіи даннаго предмета. Преподаваніе всѣхъ предметовъ во всѣхъ университетахъ должно вестись исключительно на русскомъ языкы. Совѣщаніе высказалось за самосостоятельное назначеніе каѳедры богословія, но съ предоставленіемъ профессору богословія права присутствовать съ рѣшающимъ голосомъ во всѣхъ факультетахъ по дѣламъ и нуждамъ каѳедры богословія. Признано желательнымъ установить слушаніе курса богословія и сдачу экзаменовъ всѣми студентами православнаго вѣроисповѣданія. Признана необходимость курсовой системы преподаванія въ качествѣ общаго правила, допуская предметную

системуо по особымъ ходатайствамъ университетовъ.

Объ испытаніи. Дипломы объ окончаніи университетскихъ курсовъ не должны давать никакихъ правъ, кромѣ правъ на ученую степень.

О студенческихъ обраніяхъ и организаціяхъ. Привѣтствуя постановленіе проекта А. Н. Шварца (стт. 168 и 169), совѣщаніе высказалось противъ какихъ-бы то ни было студенческихъ собраній и организацій въ стѣнахъ университета, даже такъ-называемыхъ научныхъ кружковъ, въ виду существованія семинарій.

По нашему краю.

БОБРУЙСКЪ.

(Отъ нашего корреспондента)

Въ имѣніи К. К. Незабытовскаго совершена крупная кража. Владѣлецъ имѣнія съ женой уѣхалъ въ Минскъ, оставивъ весь домъ на рукахъ лакея, который служилъ у помѣщика съ давнихъ поръ. Возратясь домой, хозяева обнаружили исчезновеніе стариннаго фамильнаго жемчужнаго колье, стоящаго свыше 5000 р. и золотого браслета, усыпаннаго бриллиантами, за который было уплочено 1000 рублей. Всѣ драгоцѣнности хранились въ особомъ шкафу, вдѣланномъ въ стѣну. Кража совершена при помощи подобраннаго ключа. Служащій, заподозрѣнный въ кражѣ, арестованъ, но пропажа до сихъ поръ не найдена.

Крѣпостной.

М. ЛЮБЧА, Новогрудскаго уѣзда.

(Отъ нашего корреспондента)

Непомѣрное развитіе тайной торговли спиртными напитками вынудило нашихъ крестьянъ выступить противъ шинкарства. Сходъ Любчанской волости постановилъ просить губернскія власти объ усиленіи надзора за тайными шинками, которые въ то же время служатъ и притонами разврата. Соотвѣтственный приговоръ уже посланъ земскому начальнику.

——овъ.

Пожаръ въ поѣздѣ близъ Гродны. Во время пожара вагона въ поѣздѣ вышедшемъ изъ Гродны въ Сувалки, сгорѣли землевладѣлецъ Ѳедоръ Александровичъ, жена купца Эпштейна, ея ребенокъ и еще одинъ пассажиръ, совершенно обуглившійся, лицо котораго распознать невозможно. Полагаютъ, это именно и былъ виновникъ ужаснаго несчастья. Онъ везъ бутыль съ эѳиромъ. Бутыль, неосторожно задѣтая кѣмъ-то, разбилась. Эѳиръ разлился и сталъ быстро испаряться, что почувствовали всѣ пассажиры. Въ это время кто-то зажегъ спичку, произошелъ взрывъ эѳира, вызвавшій катастрофу.

Спасшіеся пассажиры разсказываютъ о пережитыхъ ими ужасахъ. Спасаться приходилось черезъ окна, такъ какъ, когда произошелъ взрывъ, всѣ бросились къ дверямъ, открывавшимся внутри вагона, и наваливали на нихъ такъ, что двери открыть было невозможно. Тогда среди криковъ и стоновъ пассажиры сквозь выбитыя ими стекла стали выскакивать въ окна.

Изъ числа спасшихся восемь тяжело ранены. Въ числѣ ихъ—жена врача Клаковская и дочь офицера Купучева.

По Россіи.

Запоздалый романъ.

„Ялт. В.“ сообщаетъ, что въ одной изъ мѣстныхъ церквей должно состояться бракосочетаніе богатаго помѣщика Сѣверо-Западнаго края М. Жениху болѣе семидесяти лѣтъ, невѣстѣ восемнадцать. М. два раза былъ женатъ и имѣетъ не только взрослыхъ дѣтей, но даже внуковъ. Мѣсяца два тому назадъ онъ ѣхалъ изъ Севастополя въ Ялту на автомобилѣ навѣстить свою жену, которая здѣсь лѣчилась отъ малокровія. Спутницей г. М. оказалась молодая дѣвушка изъ Риги Александра Э—стъ. Около Байдаръ въ автомобилѣ лопнула шина, молодая дѣвушка отъ толчка автомобиля ударилась головой о край кузова автомобиля настолько сильно, что лишилась сознанія... М. бросился помогать потерпѣвшей. Сь помощью шофера онъ внесъ дѣвицу Э—стъ въ ближайшую гостиницу, гдѣ и занялся приведеніемъ ея въ чувство... Дѣвушка вскорѣ пришла въ себя и разсыпалась въ благодарностяхъ предъ г. М. Съ послѣднимъ вдругъ произошла какая-то непонятная перемѣна...

Пока автомобиль приблизился къ Ялтѣ, онъ успѣлъ уже объясниться своей спутницѣ въ любви, увѣряя, что въ жизни своей онъ не любилъ еще ни одной женщины. Въ концѣ-концовъ онъ сдѣлалъ дѣвицѣ Э—стъ предложеніе и поспѣшилъ развестись съ женой.

За Рубежомъ.

Борьба за миллионы Леопольда II.

Изъ Брюсселя сообщаютъ, что продолжительное пребываніе принца и принцессы Наполеонъ въ Вѣнѣ имѣло цѣлью соглашеніе съ графиней Лоннэй, бывшей кронпринцессой Стефаніей, объ ихъ участіи въ предстоящемъ процессѣ по поводу раздѣла наслѣдства Леопольда II-го. Принцесса Клементина передъ своей свадьбой вошла въ соглашеніе съ бельгійскимъ правительствомъ относительно милліоновъ такъ-называемаго кобургскаго фонда. Графиня же Лонней отъ всякихъ переговоровъ съ бельгійскимъ правительствомъ отказалась.

Разногласія между наслѣдниками только укрѣпляютъ положеніе въ процессѣ бельгійскаго правительства, тѣмъ болѣе, что сестры ни къ какому соглашенію не пришли. Совершенно особнякомъ будетъ фигурировать въ процессѣ знаменитая принцесса Луиза Кобургская, нынѣ графиня Монтиньозо. Между прочимъ, она дала въ руки защитниковъ ея интересовъ въ высшей степени цѣнный матеріалъ: исторію накопленія богатства Леопольда II-го за послѣднія 20 лѣтъ съ самыми доподлинными, документальными подробностями.

Процессъ будетъ разбираться при открытыхъ дверяхъ и сулитъ, конечно, сенсаціонныя разоблаченія.

Редакторъ **Л. Ш. Штейнбергъ.**

Издатель **В. И. Тасьманъ.**

Объявленія.